

Город как основа государственности и условие человеческого бытия

Панищев А.Л.

Курск. Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета

*Государство есть истинный
образ действительности; в нём
истинная нравственная воля
воплощается в действительность
и дух живёт в своей истинности¹*

Г.В.Ф. Гегель

Проблема государственности как формы бытия есть не вопрос праздного раздумья, поскольку вся реальность, которая нас окружает и частью которой мы являемся, так или иначе связана с государством, его институтами. Однако в последнее время не без весьма деятельного участия со стороны отдельных государственных и общественных деятелей, не чуждых нравственной деградации, довольно-таки часто стали звучать речи, в которых государство представляется некой жестокой, беспощадной машиной, усилия коей, главным образом, направлены на изъятие у народа как можно больше сил и финансовых средств. Между тем такие установки представляют собой большую опасность, ибо в борьбе с непорядочностью некоторых чиновников ни в коем случае нельзя допустить девальвации самого государства как формы общественного бытия людей.

Примечательно, что по вполне понятным причинам объясняется то обстоятельство, когда при устройении нового государственного строя провозглашаются актуальные, привлекательные для народа лозунги. Тем не менее самые справедливые лозунги зачастую оказываются причиной самых великих трагедий. Разве не справедливы были призывы, требования большевиков, нещадно подвергавших суровой критике царскую власть, тогдашнее правительство, полностью себя дискредитировавших неудачной политикой, поражениями в русско-японской и в Первой мировой войнах?! Однако эта справедливость отнюдь не оказалась в действительности человеческой, не проявила себя с истинно достойной стороны, характерной для отзывчивого, гуманного отношения к гражданам всех без исключения сословий, ибо в итоге русский народ получил революцию, повлекшую за собой диктатуру пролетариата, кровавую гражданскую войну, голод, террор и разруху. Лишь ценой невероятных жертв в 1930-е годы была восстановлена государственность русского народа. Поэтому-то в борьбе за государственную справедливость так важно видеть грань, отделяющую стол государственного чиновника от самого государства, которое он по своим

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. 2 Т., т. 1, М., 1976, с. 400.

должностным полномочиям призван оберегать, создавать условия для его благополучного развития. В этом отношении представляет большой интерес опыт китайцев, выработавших специальный обряд «коутоу»², при котором иностранный дипломат или просто проситель при дворе Поднебесной первоначально обязан поклониться «незаполненному» трону богдыхана, а потом – «заполненному». В этом обряде подчёркивается уважение к самому институту государственной власти, ибо чиновник, даже самый аморальный, есть временное лицо, после ухода которого приходят другие люди, призванные поддерживать постоянство государственного порядка и защищать общенациональные и общечеловеческие интересы. В следовании таким интересам человек преодолевает свою замкнутость, свой эгоизм, выходит за пределы своих потребностей, задумывается о глобальных задачах, связанных с интенсивным интеллектуальным и духовным ростом, но при этом решаемых только при условии концентрации сил всей нации. Механизмы же разумной концентрации этих сил обеспечиваются государством. Поэтому так много значит понимать неприкосновенность государства, его святость; святость не в смысле благонравия нации в практической жизни (это есть только то, к чему надобно всем стремиться), а в смысле того, что в государстве раскрывается полнота человеческой природы во всём величии духа человеческого как дара Божьего. Именно государство есть то тело, которое продолжает природу людей, выражает её в практической, материально зримой, плодоносящей форме. Если люди великодушны, чисты, то и плоды прекрасны, но великое горе ждёт того, кто воспользуется плодами людей бесчестных, носящих в себе скверну и тлен. Так и государство приносит добрые плоды в том случае, если граждане обладают благородными душами и чистыми помыслами. Отсюда не случайно вошли в употребление выражения: «какой народ, такое создаёт он и государство»; «каждый народ имеет то правительство, какое заслуживает». Однако и без государства, даже самого убогого, потенциал человеческого интеллекта и души остаётся неостребованным, вечным эмбрионом, которому не дано видеть ни дневного света, ни ночной темноты. Не зная, как проявить себя, человек обращается к самым разным формам общежития, которые, тем не менее, как правило, не лишены существенных минусов, оставляющих чувство горечи, ощущение своей неполноценности, ущербности, и лишь в государстве обретается благодатное поле для интеллектуального и духовного роста личности.

Тем не менее и государство само по себе не строится человеком исключительно на образах, свойственных ему самому по себе, согласно его собственному естеству. Чувство неполноты своей природы вне государственности обращает человека к преодолению себя и к конструированию в своём ментальном мире таких миров, каковые превосходят его естественное состояние. Такого рода представления носят

² Коутоу – это обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья (поэтому также описательно «саньгуй цзюкоу»).

религиозный характер и включают в себя образ должного бытия, который эксплицируется на божественный мир. Именно по образцу такого божественного мира люди стремятся строить свою государственность.

Прежде всего, выделим главное в государственном фундаменте: абсолютно во всех или почти во всех культурах доминировала установка, сообразно которой *государство есть земное отражение мира богов*. Стало быть, люди, принявшие государственность как форму своего бытия, призваны жить, как боги. Поэтому-то вопрос вероисповедания является не просто поводом для интеллектуальных дискуссий или упражнений в изящной словесности, а принципом самой культуры, в которой вырабатывается парадигма правового развития нации. Именно от чистоты и ясности религиозного опыта, истинности исповедуемой религии во многом зависит потенциал нации, вектор её развития и характер её государственности, если таковая определённой общностью будет создана вообще. Потому вопросы религии часто являются наиболее болезненными, нередко провокационными, наполненными взаимными упрёками. Эти вопросы обращены к самой глубине национального сознания, затрагивают то, что понимается в категории святости и неприкосновенности. Г.В.Ф. Гегель точно отметил: «Все народы знают, что именно религиозное сознание есть та сфера, где они обладают истиной, и в религии они всегда видели своё достоинство...»³. Именно в религиозной жизни нации как единого целого организма формируется образ идеального, который принимается всей общностью в качестве цели своего развития и абсолютной нормы. Обычно выразителем и наиболее близким к материальному воплощению идеала, признанного в качестве такового в культуре, является фигура правителя – царя. «Царь, согласно общим представлениям, высшая фигура... он становится носителем мифа, то есть выражения коллективного бессознательного»⁴. Именно царь и словами, и делами своими санкционирует то или иное поведение, доминирующее в его народе. Однако для того, чтобы образ царя воспринимался людьми как разумный и правильный, а сам царь не отходил от должных принципов поведения, между ним и духовенством всегда сохраняется более или менее тесная связь. В этом отношении царь предстаёт, образно говоря, телом культуры, её материальным выражением, в то время как духовенство – её душой, внутренней силой, сохраняющей связь с высшим духовным миром для разумного воздействия на тело культуры. Те или иные важные аспекты религиозного вероучения свидетельствуют о методах достижения цели и формах бытия, при которых цель достижима с наибольшей вероятностью. Обычно такой формой бытия человека и общества является государство, которое указывает на сформированность цивилизации. Государство есть неперемнное условие для осуществления человеческой природы во всей её полноте, насколько это позволяют границы законов естественно-физического мира. Поэтому-то вопросы догматики веры

³ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. 2 Т., т. 1, М., 1976, с. 206.

⁴ Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск, 2003, с. 252.

обладают глубоким смыслом. «Народ, имеющий плохое понятие о боге, имеет и плохое государство, плохое правительство, плохие законы»⁵. Безусловно, в основании любой религии лежат, в первую очередь, нравственные нормы, а развитие богословских учений (пусть даже в некоторых случаях ошибочных) возможно только при последовательном соблюдении основных этических норм, при сохранении духовной чистоты. Вот почему, если мы обратим свой взор на генезис каких-либо государств, то увидим то, что люди, построившие фундамент государственной машины, как правило, отличались мужеством и благородством. Именно в государстве наиболее действенно охраняются свойства человеческой природы, такие как доброта, строгая нравственность, ответственность. Вследствие всего вышеозначенного можно утверждать то, что государство есть зримое выражение заботы человека о своей природе, его бережного отношения к своему духовному миру и духовности других людей.

При рассмотрении вопроса природы и субстанциональной основы государственности всплывает в памяти укоренившаяся в научном мире точка зрения, согласно которой в качестве одной из основ государства непременно выступает город. Если обратить внимание на принципы застройки городов в древних цивилизациях, то можно заметить, что они полностью соответствовали представлениям об устройстве божественных градов. Город являет собой первоначальную форму государства, хотя, по сравнению с последним, он выглядит несравненно меньше в размерах. В самом деле, уже в городе складываются основные атрибуты государства – наличие администрации, законодательства, вооружённых сил. Поэтому о древнем городе-полисе позволительно, с некоторыми оговорками, вести речь как о государстве. В самом деле, государство официально начинается с города, ибо человеку доступно для преобразования лишь ограниченное пространство. Город здесь выступает важнейшим атрибутом государственности народа, свидетельством его высокого общественного развития и уровня материальной культуры, характерной для той или иной цивилизации.

Надо отметить, что построение города – это не просто механический процесс. Города древних культур устраивались как некое пространство, организованное по образу пространства мира богов, как место, где люди из поколения в поколение могут вести свою жизнь, как боги. Именно религиозные мотивы служили убедительным доводом, веской мотивировкой для обоснования постройки городов в дохристианских культурах Древнего Шумера, Древней Индии, Персии, этрусков, Древнего Рима.

Для того чтобы более основательно подойти к вопросу, касающегося обсуждения роли, значения города в становлении государства, будет весьма полезным обратиться к истории древних цивилизаций. Здесь, прежде всего, усматривается то, насколько сложно, неоднородно понимание значимости города в древнем мире. Собственно говоря, сами по себе требования к

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. 2 Т., т. 1, М., 1976, с. 400.

поведению, к духовному облику горожан были несравненно выше, чем к образу жизни селян. Необходимо подчеркнуть и то, что закладка города являлась сложным сакральным процессом. В обозримой истории человечества в одной из самых древних цивилизаций – хараппской – город имел глубокое смысловое значение. Об этой цивилизации мы знаем лишь по многочисленным археологическим раскопкам поселений в долинах рек Инда, Сабармати и пересохшей Сарасвати. Из тысячи городов наиболее хорошо сохранились Долавир, Лотхал, Мергар, Мохенджо-Даро и Хараппа. Данные города являют пример чёткой планировки, сакральной организации по Васту шастре (принцип градостроительства, ориентированный на религиозные воззрения).

В другой цивилизации – шумерской – обнаруживаются схожие установки в градостроительстве. В Древнем Шумере центром города (в том числе и административным) всегда был зиккурат – то место, на котором он возводился, первоначально символично оплодотворялось богом. Примечательно, в шумерских городах использование оружия было под запретом, и преступление рассматривалось не просто как акт против своего ближнего, но как святотатство. Напротив, ценились по достоинству, высоко котировались разносторонние знания. Горожанин имел возможность постичь мудрость, обрести глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт, то есть в данных условиях получение образования становилось делом вполне осуществимым. В городах со всей очевидностью проявлялось стремление человека к уразумению, к изучению загадочного движения небесных тел, предпринимались определённые попытки к постижению основ мироздания, что содействовало потенциальной осуществимости господства человечества над остальным физическим миром, его преобразованию, согласно высшим духовным представлениям о должном.

Подчеркнём тот немаловажный факт, что первые правители, администрирующие древние города, выполняли и религиозные функции, то есть являлись жрецами. Однако по мере размывания нравственных законов, стирания априорных представлений о должном поведении, естественное право теряло своё влияние, традиции частично забывались, частично искажались, что обратило общество к идее необходимости написания законов, первые из которых появились в Древнем Шумере. Примечательно, что в шумерских городах и произошло ясное, недвусмысленное разделение религиозной власти шангу – верховного жреца – и светской власти – лугалья – царя, правителя, главы города. Тем не менее и лугаль никогда полностью не выходил из-под тени зиккуратов, всегда нуждался в религиозном санкционировании своей власти. Так, статус лугалья подчёркивается его восшествием и пребыванием на особом месте – на *троне*. Некоторое время лугаль занимал именно *трон*, однако постепенно вместо трона, как одного из символов царской власти, появляется *престол*, что указывает на то, что царь стал наделяться божественными качествами. Здесь важно понимать то, что трон помещается в зале по решению людей, которые могут его вынести и в другое место, а престол есть центральная часть зиккурата, которую занимает

божество. Цари отличались также тем, что инициировали строительство храмов, как правило, собственноручно принося на место строительства первую корзину с глиной. Считалось, что этим поступком царь уподоблял себя богам. Зиккурат, заложенный лугалем таким образом, понимался в качестве духовного центра города, чрез который община сохраняет свою связь с трансцендентным бытием.

Впоследствии шумерские принципы планировки города были отражены в персидской культуре, органичной частью которой была религия зороастризм. Понятие *государства* как значимой ценности и свыше установленной формы бытия людей прослеживается в наиболее ранних текстах Авесты – Священного Писания зороастризма. Духовно-этические же нормы и почитание закона понимались как фундамент для сохранения государства. В зороастризме одним из тварных богов, иногда представляемым в ипостаси Ахура-Мазды, является Митра – бог справедливости. Несправедливость персы не просто осуждали, но и жестоко карали как на бытовом, так и на государственном уровне. О несправедливых людях в Авесте написано так (Гимн Митре, 2):

*Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слова, –
Он хуже ста мерзавцев
Благочестивых губит.
Будь верен договору
Ты данному, Спитама,
И лживым иноверцам,
И верным в благочестьи, –
Ведь слово договора
Принадлежит обоим:
И верным, и лжецам⁶.*

Понятие справедливости как в государственной, так и в повседневной жизни иранцев, играло фактически культовую роль. Несправедливые люди рассматривались как прислужники Анхра-Маньи (Дух зла), а поэтому с ними надо было бороться с максимальной жестокостью. В зороастрийских текстах отмечено, что судья, который судит справедливо и не берет взяток, в своем деле подобен Ахура-Мазде (Господь Разума), а тот, кто судит несправедливо, в своем деле подобен Анхра-Манье и дэвам. В зороастрийских семьях стремление к справедливости закладывалось с раннего детства. Культ бога Митры хотя и является в зороастризме второстепенным, но в действительности распространился и за пределами Ирана и даже складывался в самостоятельное религиозное течение.

Основы административного деления государства мы также можем проследить в Авесте. Разумеется, от Авесты до нашего времени дошли только фрагменты, что связано, во-первых, с оккупацией Персии войсками под командованием Александра Македонского. Во-вторых, когда

⁶ Гимн Митре // <http://www.philosophy.ru/library/asiatica/avesta/4.html>

мусульманские захватчики беспощадно убили, стёрли с лица земли абсолютное большинство зороастрийцев, многие авестийские трактаты уничтожились, исчезли бесследно. Тем не менее некоторые тексты Авесты уцелели; также существует обширный корпус пехлевийских текстов, в которых мы встречаем описание уже утраченных авестийских книг. Проанализируем тексты Авесты на предмет исследования государственности как свыше установленной формы человеческого бытия. Начнём с так называемой «Географической поэмы»⁷.

В данной поэме описывается творения Ахура-Маздой благ и порождения Анхра-Маньей не-благ. В текстах этого трактата неоднократно употребляется понятие страна, в качестве творения Ахура-Мазды. Причём понятие страны фигурирует во всех переводах этого текста⁸. Что же касается дел Анхра-Маньи, то он «состряпал» место греховной похоти, выражающей идею абсолютной мерзости и растления⁹. Все силы зла направлены на то, чтобы погубить людей, а делается это через разрушение и отравление государственности.

Важнейшим атрибутом государства является наличие легитимной власти. Чтобы понять связь между религиозными представлениями и происхождением института государственной власти, обратимся ко второму тексту Авесты – «Миф об Йиме». Традиционно Йима в зороастризме считается первым царём (или одним из первых царей) в государстве, установленном богом. Здесь нельзя забывать о роли царя в системе культурных отношений. «Царь, согласно общим представлениям, высшая фигура... он становится носителем мифа, то есть выражения коллективного бессознательного», – пишет К.Г. Юнг¹⁰. По существу, согласно общекультурным традициям, царь (в Египте – фараон) представляет свой народ перед богом или богами. В принципе при Сасанидах первым царём чаще называют Гайомарта. Впрочем, каким бы именем не нарекался первый

⁷ Авестийские космогонические и космологические мифы известны по жреческому трактату "Бундахишн" ("Первотворение"), являющемуся среднеперсидским переложением утраченного 4-го наска (Дамтат-каска) Авесты с многочисленными изменениями и вставками. Сохранившиеся же тексты "Младшей Авесты" практически не содержат ни сведений о начальном этапе творения, которые дополняли бы учение "Гат", ни антропоморфных описаний устройства Вселенной,— зато в 1-м фрагменте "Видевдата" довольно подробно рассказывается о сотворении стран внутри Хванираты. Этот миф традиционно называют "Географической поэмой".

⁸ Географическая поэма // <http://avesta.isatr.org/avesta/0010101.htm>

⁹ Здесь надобно понимать, что во многих культурах (в том числе персидской) эталоном порочности и проявления зла является разврат, ибо блудница есть первостепенный союзник Анхра-Маньи. В Авесте о блудницах сказано так: «Они более достойны быть убиты, чем извивающиеся змеи, или чем волки воюющие, чем волчица, нападающая на живые творения, или чем жаба, плодящаяся тысячами, что нападает на воду» (Вендидат, фрагм 18, стихи 65). Здесь важно учесть, что со змеями, жабами, волками зороастрийское учение призывает бороться, как с порождениями Анхра-Маньи, поэтому такое сравнение очень существенное и весьма показательное.

¹⁰ Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск, 2003, с. 252.

царь, в зороастризме ясно пишется о том, что распространение зла в мире берёт начало с грехопадения царя, как человека, представляющего свой народ в некоем метафизическом бытии. В данном случае следует понимать то, что в религиозных учениях грех, как правило, не имеет собственной онтологической самостоятельности¹¹, однако после нарушения человеческой природы зло начинает ею питаться и существовать за счёт её поглощения, что подобно вирусу, живущему за счёт клетки. Нарушение человеческой природы мыслится в контексте утраты ею связи с Богом, после чего люди становятся уязвимыми в отношении греха. Символично, утрата такой связи выражается каким-либо непослушанием: так Йима начал убивать скот и питаться мясом, что в итоге и вменялось ему в вину. Разумеется, совершение таких деяний вовсе не означало того, что Йима – злодей в криминальном смысле, поскольку в нём сохранились и положительные качества, однако он стал уязвимым ко греху, который с момента его грехопадения органично вживается во всё пространство физического мира. Таким образом, мы видим, что в культуре зороастризма сформирована идея значимости царя, который отвечает за связь своего народа с божественным бытием. Образ царя одновременно подчёркивает то, что человек сам по себе не обладает онтологической самостоятельностью, и полнота его природы мыслится лишь в значении его связи с Богом. Связь человека с Богом сохраняется на основе соблюдения божественных законов. Примечательно, что миф об Йиме начинается с диалога между Ахура-Маздой и Йимой, который отказывается быть проповедником *благой веры* (именно так называется зороастризм); тогда Бог предлагает Йиме быть правителем народа, чтобы приумножить земные блага. Надеюсь, будет вовсе не лишним привести для пояснения отдельные отрывки из древнего сказания, а именно: «3. Так сказал ему, о Заратуштра, я, Ахура-Мазда: «Стань для меня, о Йима прекрасный, сын Вивахванта, хранящим и несущим Веру!» Но так ответил мне на это Йима прекрасный, о Заратуштра: «Не создан я и не обучен хранить и нести Веру». 4. И тогда ему, о Заратуштра, сказал я, Ахура-Мазда: «Если ты не станешь для меня, о Йима, хранящим и несущим Веру, то ты мне мир приумножай, ты мне мир возвращай! Ты стань мира защитником, хранителем и наставником!» 5. И так ответил мне на это Йима прекрасный, о Заратуштра: «Я тебе мир приумножу, я тебе мир возвращу, я стану мира защитником, хранителем и наставником. Не будет при моём царстве ни холодного ветра,

¹¹ Даже в зороастризме, где в основе мира мы видим Ахура-Мазду (Господь Разума) и Анхра-Манью (Духа зла), отмечается, что когда Анхра-Манья пытался подойти к огню, то пламя выжгло ему органы чувств. Поэтому Анхра-Манья сам по себе слеп, глух, не имеет ни обоняния, ни осязания, однако он может видеть чужими глазами, слышать чужими ушами, говорить чужим голосом... Если человек становится слугой зла, то он уподобляется дэву, а его органы чувств используются Анхра-Маньей для совершения порочных дел. Человек оказывается слугой зла, если совершает греховные поступки, которые первоначально ему чужды, но по мере уподобления индивида дэву становятся ему свойственными и им желанными.

ни знойного, ни боли, ни смерти»¹². Мы видим, что Йима взялся за дело приумножения благ и защиты мира вне проповеди религии, после чего в мир стало проникать зло. Это, возможно, свидетельствует о том, что человек сам по себе не может действительно бороться со злом. Так или иначе, но с момента стремления человека к самостоятельности, государственность стала основой для сохранения его человеческой природы. Государство отождествляется с порядком и приумножением благ, в то время как утрата государственности понималась в значении наступления хаоса, умножения бедствий и зла.

Если мы обратимся к понятию *рай*, то отметим следующее: в термине *рай* содержится идея *блага* и *порядка*. Английское слово *paradise* (рай) происходит от древнеиранского слова, означающего *отовсюду огороженное место*, и от древнегреческого, означающего *сад, или парк*. Такой сад являет собой своеобразный город (то есть огороженное место), ограждение которого символизирует чистоту бытия (целомудрие его обитателей). Именно такое понимание слова *рай* во многом позволит нам правильно осмыслить сущность и назначение государства, в пределах которого человек обретает либо духовное спасение, либо смерть. В зороастризме прообразом огороженного места может служить Вар¹³, который Йима построил по указанию Ахура-Мазды для спасения людей и скота. Стало быть, именно в городе (атрибут государства) человек способен в наибольшей степени огородиться от мира зла и духовно возрасть.

Если обратить взгляд на Запад и дать оценку роли города, то надобно отметить, что и там он имел важное сакральное значение, и перед его основанием в обязательном порядке проводился ряд священнодействий. Так, в «Жизнеописаниях» Плутарха подробно описывается процесс основания города Рима. Действительно, Ромул, прежде чем закладывать город, провёл ряд обрядов, предположительно этрусского происхождения¹⁴.

Согласно представлениям о божественной природе государства, вырабатывалась и нормативная база человеческого общежития, иерархия человеческих ценностей. Высшей ценностью человеческого естества во всех государствах понималось целомудрие. Именно оно есть самая великая добродетель из всех возможных добродетелей в естественном состоянии человека. Всякий город хранился честью человека, обычно персонифицируемой образом какого-либо языческого божества. Так, в

¹² Миф об Йиме // <http://avesta.isatr.org/avesta/0010201.htm>

¹³ Вар – (от авест. *Вара*) глинобитная крепость или замок, служащий убежищем для людей, скота, растений и огней во время смертельных холодов зим, снегопадов и наводнений. Судя по приводимому описанию, Вар, построенный Йимой, состоял из трёх концентрических кругов стен, во внешнем из которых было девять проходов, в среднем – шесть, во внутреннем – три. Таким образом, по планировке жилищ Вар напоминал поселения древних ариев, включавших при возведении строений круговые концентрические стены, открытые археологами на севере Афганистана и в Южном Приуралье. В русских говорах встречается слово *вар*, *варок*, означающее *скотный двор*, родственное древнерусскому *ворь* – *забор* и связанное с авестийским *вара*.

¹⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Жизнеописание Ромула (2). – М.: Правда, 1987. Наговицин А.Е. Мифология и религия этрусков. М., 2000, с. 61.

языческой Греции одним из наиболее известных центров древнегреческой цивилизации являются Афины. Город получил название от имени богини Афины Парфенос (Девы). Такое почитание духовно-телесной чистоты было ярко выражено и в таких древнейших культурах, как Хараппская, Шумерская, Египетская цивилизации... и христианская. Попраение целомудрия влекло серьёзные государственные надломы, поскольку государство, не способное защитить природу человека, теряет своё значение и не отвечает поставленным перед ним задачам. Так, в Древнем Риме осквернение женщины Лукреции в 511 году до н.э. привело к свержению царей и установлению республики¹⁵. Попраение чести дочерей британской королевы Боадикей (Боудикки) привело к знаменитому восстанию в римской Британии (61 г.), когда только в Камулодулуме (современный Колчестер) было уничтожено от 70 до 80 тысяч римских граждан, многие из которых были принесены в жертву богине Адрасте¹⁶. В ходе этого восстания был сожжён Лондон. Такое отношение к понятию чести естественно для человеческого сообщества по природе, ибо вне чистоты немислимо никакое развитие.

Замечу кстати, Россия здесь не является исключением. Думается, что мысль о взаимосвязи между государственностью и божественным миром, если не архетипична, то, по крайней мере, общекультурна. Я бы сказал то, что государственность является одним из архетипов религиозного сознания, а поскольку смысл государства состоит в достижении полноты раскрытия природы человека, то данный архетип охватывает всю природу человека, все грани его бытия.

Вместе с тем, нельзя не отметить ту значимость, которую имела сама идея создания города, послужившая сильным стимулом к развитию индивидуального сознания, самодостаточности человека, содействовавшая развитию в нём религиозного сознания. Действительно, важной особенностью человеческого сознания, позволяющей индивиду наиболее благополучно, комфортно жить в городе, является развитость самого сознания человека, его относительная независимость от рода. Город – это место, где о человеке, о его прошлом могут не иметь никаких сведений. Если же говорить о сельских жителях, проживающих по соседству продолжительное время, то они достаточно хорошо знают друг друга, имеют о своих односельчанах то или иное представление, что, естественно, является для них неплохим стимулом для соблюдения норм поведения, соответствующим приличиям. Общинно-родовые отношения, характерные для жизни селян, характер труда, тесно связанный с работой на земле, преодоление последствий нередких природных стихий – всё это, несомненно, накладывало свой отпечаток на быт и миропонимание

¹⁵ Плутарх. Жизнеописание. Ливий Тит. История Рима. Книга I. 58.

¹⁶ Тацит пишет, что Боудикка, перед битвой обращаясь с речью к своим людям, просила считать себя не благородной королевой, которая мстит за потерянное королевство, а обычной женщиной, мстящей за поруганное тело и надругательство над дочерьми.

крестьянина. Что же касается жизни горожанина, то, безусловно, она имела свои отличительные особенности, поскольку ему приходилось организовывать свою жизнь не столько согласно общественному мнению, сколько в соответствии с собственным мнением, приобретённым опытом, накопленными знаниями, достаточно развитым мировоззрением. Всё это вносило определённые коррективы в характер, определяющийся совокупностью всех психических и духовных свойств человека. Далее особо отметим то, что религиозные обряды, практикуемые при закладке города, как раз и были призваны обратить внимание на духовный опыт человека – всегда уникальный, субъективный, индивидуальный. Именно накопление духовного опыта, внутренних переживаний себя и своей связи с Богом (пусть даже с мифическими богами) являлось основой для индивидуального развития. Поэтому-то не удивляет тот исторический факт, что первоначально христианство развивалось преимущественно в городах. Если мы возьмём Новый Завет, то увидим, что послания апостолов были направлены в города: в Ефес, в Коринф, в Рим, в Фессалоник. Однако здесь следует отметить немаловажное обстоятельство: в том случае, если в городе значительная часть населения не обладала должным уровнем развития индивидуального сознания, то из этого следовал закономерный результат – криминальное, развращённое общество, безразличное, а то и циничное, хищническое по отношению к культуре, к тому, что составляет бесценное народное сокровище.

Вследствие такого негативного социального явления, для стимулирования роста индивидуального сознания, были необходимы нравственные неписанные законы, глубоко укоренённые в ментальном мире народов, иначе говоря, наблюдалась насущная потребность в развитом естественном праве. Тем не менее априорное содержание человека, хотя и всеобщее, но постигается субъективно, что обращает нас к самой сложной человеческой деятельности – к самопознанию. Такая деятельность требует внутренней честности, личного благородства, подчас духовного подвига. В противном же случае сила собственных пороков в среде спекулятивного рассудка подавит человека и окончательно разрушит его психику. Поэтому-то горожанину так жизненно важно было вести духовную жизнь, соблюдать принципы нравственности. Безусловно, и крестьянин не мог отрицать необходимости соблюдения моральных законов, но тем не менее в жизни, в быту крестьянина большую роль играли общинно-родовые установки. Так, житель села, совершивший неблагоприятный поступок, осуждался обществом, которое могло применить различные меры воздействия в отношении провинившегося. В городе же индивид чаще всего оставался в одиночестве со своими внутренними проблемами, которые, в общем-то, почти никого не задевали за живое, а его просьбы о помощи вполне могли оказаться «гласом вопиющего в пустыне».

Стало быть, город, с одной стороны, есть необходимое условие для роста индивидуального сознания, а следовательно, для накопления духовного опыта как в индивидуальном, так и в соборном смысле этого слова.

Духовный опыт человека в городе оказывался особенно востребованным. Сам город, как земное воплощение мечты о месте обитания богов, предполагал более всего атмосферу духовно-телесной чистоты, жизненной, нравственной непорочности жителей градов – одним словом, целомудрия. Последнее, согласно христианской традиции, рассматривается как блаженство, которое мыслится в качестве само-заклѳченности, само-собранности, само-цельности личности. Можно сказать, в целомудрии выражается идея самодостаточности и полноценности человека¹⁷. Поэтому само-цельность человека предполагала цельность города, огороженного сплошной стеной от внешнего мира, чуждого и подчас враждебного природе человека.

Что же касалось значимости города на православной Руси, то он – в духовном смысле – защищался Богородицей, выражающей в Себе корень девства, чистоты и целомудрия. С.С. Аверинцев считает, что древнерусские города выстраивались согласно идее Небесного Иерусалима. Ученый пишет о древнерусских градах так: «Упорядоченное и замкнутое внутреннее пространство города, организованное вокруг храмов, отгороженное крепкими стенами от хаотических просторов степи... место княжеского суда, средоточие веры и учености, – пространство это являло... образ строенного дома Премудрости, обособленного от внешней тьмы...»¹⁸. По сути дела, в данном случае вполне прозрачно, недвусмысленно говорится о том, что древнерусский город являл собой место чистого человеческого бытия, в котором минимизирована степень проявления в нем биологической – животной – компоненты. Именно в условиях города, во многом подсказывающих или диктующих те или иные правила общежития, граждане были способны наиболее полно осознавать свой духовный потенциал и обладать возможностью реализовать его в максимальной мере.

Список использованной литературы

1. Аверинцев С.С. *София-Логос. Словарь*. К.: Дух І Літера, 2001. – 460 с.
2. Бердяев Н. *Философия свободы*. – М.: АСТ, 2002. – 736 с.
3. Гегель Г.В.Ф. *Философия религии*. 2 Т., т. 1. – М.: «Мысль», 1976. С. 533.
4. Наговицин А.Е. *Мифология и религия этрусков*. М.: «Рефл-бук», 2000. – 496 с.
5. Плутарх. *Сравнительные жизнеописания. Жизнеописание Ромула*. – М.: Правда, 1987.
6. Флоренский П. *Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи*. М.: АСТ, 2003. – 640 с.

¹⁷ Об этом см. П. Флоренского. *Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи*. М., 2003, с. 169.

¹⁸ Аверинцев С.С. *София-Логос. Словарь*. К.: Дух І Літера, 2001, с. 237.

7. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis. Таинство воссоединения.* – Минск: ООО «Харвест», 2003. – 576 с.
8. <http://avesta.isatr.org/>
9. <http://www.philosophy.ru/library/asiatica/avesta/4.html>

Аннотация

В данной статье исследуется природа государства в антропологическом контексте. Государство понимается как часть природы человека и необходимое условие для её наиболее полного развёртывания. Отдельное внимание отводится такому атрибуту цивилизации, как город, в котором организуется пространство, где человек может наиболее разумно обустроить своё бытие.

Статья издана:

Панищев А.Л. Город как основа государственности и условие человеческого бытия // Россия. Духовная ситуация времени. – 2009. – 1-2 (39-40)`. – С. 124-136.